

Налоги и налогообложение*Правильная ссылка на статью:*

Пойлов Н.А. Фискальная политика и экономический рост в краткосрочной и долгосрочной перспективах: обзор литературы // Налоги и налогообложение. 2023. № 6. DOI: 10.7256/2454-065X.2023.6.69281 EDN: BRMZTS URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69281

Фискальная политика и экономический рост в краткосрочной и долгосрочной перспективах: обзор литературы

Пойлов Никита Александрович

ORCID: 0009-0001-2401-5560

аспирант, кафедра "Экономика", Европейский Университет в Санкт-Петербурге
191187, Россия, Санкт-Петербург область, г. Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 6/1, оф. А

✉ proylov@eu.spb.ru[Статья из рубрики "Теория и история налогообложения"](#)**DOI:**

10.7256/2454-065X.2023.6.69281

EDN:

BRMZTS

Дата направления статьи в редакцию:

10-12-2023

Аннотация: Целью данной работы является установление основных каналов влияния фискальной политики на экономический рост и выявление проблем или пропущенных аспектов при анализе. В статье обобщается влияние фискальной политики на экономический рост в долгосрочной и краткосрочной перспективах на базе обширного (82 источника) анализа литературы. В статье анализируются результаты теоретических и эмпирических исследований. В работе уделяется внимание сравнению эмпирических результатов для бедных и богатых стран, так как оптимальная фискальная политика может значительно отличаться от страны к стране. С теоретической стороны, в статье в основном рассматриваются модели эндогенного роста, однако также затронуты модели пересекающихся поколений и модели Солоу. Отдельное внимание уделено оценке фискальных мультипликаторов. Благодаря широкому взгляду в работе затрагиваются основные инструменты фискальной политики и их влияние на экономический рост как в краткосрочной перспективе, так и в долгосрочной. Вклад автора заключается в том, что в работе анализируется широкий пласт литературы по фискальной политике, что

позволяет выявить основные проблемы при анализе влияния фискальной политики. Фискальная политика может оказывать кратко- и долгосрочное влияние на экономический рост через изменение стимулов экономических агентов, через снижение транзакционных издержек между ними и через влияние на ожидания. Однако основной пласт эмпирической литературы рассматривает влияние фискальной политики на экономический рост в развитых странах. Это создает проблемы при проведении фискальной политики в развивающихся странах, так как рекомендации, выработанные на основе опыта развитых стран, часто являются неоптимальными для развивающихся стран. В статье также отмечаются существенные проблемы, связанные с эмпирическим анализом результативности фискальной политики даже в развитых странах.

Ключевые слова:

фискальная политика, экономический рост, государственные расходы, налоги, госдолг, размер государства, фискальные мультипликаторы, циклы фискальной политики, ограничения фискальной политики, консолидация

1. Введение

Фискальная политика (ФП) является одной из основных политик государства, посредством которой государство достигает целей в экономике (стабильный экономический рост, снижение безработицы, снижение неравенства и т.д.). ФП воздействует на экономику через изменение величины расходов и доходов государства. Посредством фискальной политики государство сглаживает колебания в экономике, а критерием ее эффективности является свойство контрцикличности. В неоклассических моделях считается, что ФП может влиять только на переходный период (когда экономика движется к равновесию), но не может влиять на равновесие. Однако в моделях эндогенного роста ФП может оказывать влияние на экономический рост в долгосрочной перспективе. На сегодняшний день в целом среди экономистов преобладает мнение, что ФП может оказывать долгосрочное влияние на экономический рост. Тем не менее, мнение по поводу каналов влияния ФП на долгосрочный экономический рост не так однозначно. Оптимальная ФП может значительно отличаться от страны к стране, в зависимости от условий. Однако основное количество литературы посвящено влиянию ФП именно в развитых странах. Рекомендации на основе работ по развитым странам могут не подходить развивающимся странам, что ведет либо к использованию неоптимальной ФП, либо к действиям политиков в развивающихся странах «вслепую». К тому же присутствуют существенные проблемы и при анализе ФП на данных развитых стран.

В данной работе проанализирована литература по теме влияния ФП на экономику в краткосрочной перспективе и в долгосрочной перспективе, представлен широкий взгляд на все основные каналы влияния ФП на экономику, выделяемые в литературе. Также в работе сделана попытка сравнить эффекты ФП для бедных стран и для богатых. Сначала рассматривается долгосрочное влияние фискальной политики, сгруппированные в анализ безусловно производительных расходов, условно производительных расходов, налогов, государственного долга и размера государства. Затем рассматривается краткосрочное влияние ФП в разрезе ее цикличности, ограничений и эффективности. Основные результаты суммированы в заключении.

2. Долгосрочное влияние ФП

В модели Солоу [1] ФП не оказывает воздействия на долгосрочный равновесный путь. В модели пересекающихся поколений (OLG) [2] также экономический рост задан экзогенно, то есть ФП не может оказывать влияние на долгосрочный экономический рост. Однако позднее были представлены работы, благодаря которым были разработаны и стали использоваться модели эндогенного роста [3–6], и в которых ФП может оказывать значимое воздействие на равновесные темпы роста путем воздействия на производительность и на инновации. В дальнейшем модели Солоу и OLG модифицировались с учетом того, что на экономический рост могут оказывать влияние ФП [7–12]. Эмпирические работы в большинстве своем подтверждают, что ФП может оказывать долгосрочное влияние на экономический рост, например [13–17].

В данном разделе анализируется вопрос о долгосрочном влиянии ФП на экономический рост в зависимости от фокуса результатов работ. Данный раздел поделен следующим образом: безусловно производительные расходы, условно производительные расходы, налоги, госдолг и размер государства.

2.1. Безусловно производительные расходы

Государственные расходы могут быть производительными или непроизводительными. Ничкамп и Пут [18] проводят мета-анализ 93 статей о влиянии ФП на экономический рост, к производительным расходам относят в основном: расходы на образование, расходы на здравоохранение, расходы на инфраструктуру, расходы на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР). Причем расходы на образование и здравоохранение оказываются безусловно производительными, в то время как остальные расходы имеют либо какое-то условие, чтобы быть производительными, либо в литературе противоречивые мнения.

Например, Барро [5] пишет, что производственные расходы, такие как образование, исследования и транспорт, положительно влияют на рост за счет повышения производительности и технологических возможностей, а непроизводительные расходы, такие как субсидии, социальные расходы и расходы на оборону, негативно сказываются на экономическом росте.

Обширное количество литературы посвящено влиянию человеческого капитала на экономический рост. В теоретических работах [4,19] указывается, что репрезентативные индивиды решают, сколько доступного времени потратить на производство и на формирование человеческого капитала (саморазвитие), при этом формирование человеческого капитала является следствием только вложения человеческого капитала. В некоторых теоретических работах [3,5,20] делается предположение, что может влиять еще и физический капитал на развитие человеческого капитала, так как человеческий капитал может накапливаться через производство (*learning by doing*). В эмпирической статье Мэнкью и соавторов [14] говорится, что при росте человеческого капитала растет доход, что также вызывает рост человеческого капитала и в итоге продуктивность гораздо выше.

Кребс [21] использует модель эндогенного роста с неполными рынками человеческого капитала и с возможными рисками для вложений в человеческий капитал. Теоретический анализ показал, что сокращение риска человеческого капитала сокращает инвестиции в физический капитал, но увеличивает в человеческий капитал, а отдача от человеческого капитала выше, так как он не свободен от рисков, то есть перераспределение в сторону человеческого капитала ведет к росту выпуска. Однако

агенты избегают рисков что склоняет их к менее рискованному активу (то есть к физическому капиталу из-за возможности диверсифицировать риски) даже при условии, что ожидаемая доходность менее рискованного актива ниже. Однако если государство уравняет риски, то агенты будут выбирать тот актив, у которого ожидаемая отдача выше, то есть политика, направленная на сокращение рисков для дохода от труда, положительно сказывается на росте.

Расходы на образование могут стимулировать экономический рост через накопление человеческого капитала. В теоретической Заглер и Дюрнекер^[22] отмечают, что эффект от образования отдается эхом через поколения, так как образованные родители способствуют получению образования для своих потомков, а расходы на получение другой, более востребованной, квалификации влияют на рост человеческого капитала, так как получение более востребованных навыков или обновление устаревших навыков увеличивает производительность труда.

Интересный взгляд на образование представлен в теоретической статье^[7], в которой делается вывод в OLG модели с параметром социализации. Образование положительно воздействует на рост через сплоченность общества, то есть образование стандартизирует понимание людей, стирая религиозные и культурные различия, в результате коммуникация упрощается. Также сплоченность повышает стабильность политическую и в итоге экономическую.

Барро^[13] использует кросс-секционную модель для 118 стран (1960-1985 гг.) и устанавливается, что чем выше человеческий капитал, тем ниже темпы роста населения. Охват школьного образования положительно относится с отношением инвестиций к ВВП, и негативно относится с рождаемостью, то есть более высокий начальный охват школьного образования положительно влияет на темпы роста^[13]. Отмечается также, что рост рождаемости может снижать темпы роста, так как растет потребление и снижаются сбережения из-за роста доли детей среди населения. В эмпирической работе^[23] для 88 стран (1960-1996 гг.) также используется кросс-секционная модель, однако авторы используют байесовское оценивание, что позволяет включить множество регрессоров. В этой работе также отмечается положительное влияние начального образования на темпы экономического роста (однако в модели отрицательный коэффициент у охвата высшего образования, что авторы оставляют без особого внимания). Расходы на образование сильнее влияют на рост, если изначально образование в стране высокое, приходит к выводу Бенос^[24] используя панельные данные по странам Еврозоны и модель с фиксированными эффектами (1990-2006 гг.).

Расходы на здравоохранение также, как и расходы на образование, стимулируют экономический рост через человеческий капитал. Увеличение продолжительности жизни, снижение затраченных времени и ресурсов на больничные отпуска и улучшение самочувствия работников способствуют росту предложения труда (не говоря уже о том, что работодатели вероятнее наймут здоровых работников), а более здоровое население более вероятно будет получать образование, тем самым активируя канал образования, отмечают в^[22].

Вейл^[15] анализирует именно влияние здоровья на экономический рост. Автор приводит следующие возможные каналы влияния здоровья на рост:

- здоровые работники больше и лучше работают; высокая продолжительность жизни стимулирует получение образования, так как со временем образование окупается;

- здоровые студенты реже пропускают занятия и их когнитивные способности выше, что улучшает качество образования при заданном уровне образования;
- высокая продолжительность жизни стимулирует откладывать на пенсию, что увеличивает норму сбережения;
- физический капитал на одного работника может расти из-за роста прилагаемого труда здоровым работником, что увеличивает предельный продукт капитала;
- снижение детской смертности приводит к снижению темпов роста населения, что благоприятно сказывается на экономическом росте, так как увеличение темпов роста населения позитивно сказывается на отношении детей ко взрослым, количество физического капитала и земли на одного работника снижается, что в итоге снижает экономический рост.

В эмпирической работе Истерли и Ребело [25] анализируют панельные данные с 1970 по 1988 год для 118 стран и отдельно с 1870 по 1988 для 28 развитых стран и приходят к выводу, что здоровье и образование положительно сказываются на экономическом росте. Хартвиг [26] использует методологию причинности по Грейнджеу на панельных данных (1970-2005 гг.) и делает вывод, что образование гораздо важнее здоровья для экономического роста, однако в этой работе анализируются только страны ОЭСД. Икбал и Дейли [27] используют динамической панели анализируют страны с низким и средними доходами (1996-2010 гг.), и авторы приходят к выводам, что для экономического роста в странах с низким и средним уровнями дохода гораздо важнее здоровье, так как в них мало распространены высокотехнологические процессы. Карцева и Кузнецова [28] на данных России (2012-2019 гг.) находят положительное влияние здоровья на доходы, особенно сильно влияние для групп населения, которые имеют низкий уровень образования.

2.2. Условно производительные расходы

Как уже упоминалось, к производительным расходам относят в основном: расходы на образование, расходы на здравоохранение, расходы на инфраструктуру, расходы на НИОКР. В литературе также отмечается, что расходы на социальную защиту оказывают положительное влияние на экономический рост [24,29]. К непроизводительным расходам в основном относят расходы на оборону [18].

В эмпирической работе [24] расходы на социальную защиту оказывают положительное влияние на экономический рост, и положительное влияние усиливается с ростом доходов населения. Расходы на социальную защиту могут искажать предложение труда, тем самым влияя на экономический рост [18]. Есть два возможных канала воздействия, рассмотрим их на примере пособий по безработице, как это сделали Ничкамп и Пут [18]:

1. выше расходы – выше выплаты по безработице – ниже предложение труда – ниже темпы роста;
2. или наоборот, выше расходы – выше выплаты по безработице – больше возможностей пройти переобучение или не брать первую попавшуюся работу, устроившись в более подходящее навыкам место – выше эффективность труда – выше темпы роста.

Эмпирические результаты больше поддерживают второй канал [24,29], то есть расходы на социальную защиту оказывают положительное воздействие.

Государство может стимулировать инвестиции в физический капитал. Накопление капитала через производство подразумевает, что отдача от инвестиций в физический капитал больше, чем просто доходность на капитал (из-за положительных экстерналий, например, повышение умения работников при работе на станках), отмечается в теоретических работах [30,31]. Гиллес [32] приходит к выводу в модели эндогенного роста с учетом социальной отдачи, что субсидии для инвестирования или для повышения процентного дохода для инвесторов (например, надбавка от государства за инвестиции) увеличивают темпы роста. Кастро и соавторы [8] делают вывод в модели OLG с возможными рисками для инвесторов от оппортунистического поведения фирм, что если в стране высокая мобильность капитала, то улучшение защиты инвесторов ведет к росту, так как используется процентная ставка мирового рынка, но если же низкая мобильность капитала, то улучшение защиты снижает рост из-за роста процентной ставки (так как фирмы раскрывают реальные риски, следовательно растет надбавка за риск).

В эмпирической работе [33] используется метод МНК на данных США (1947-1985 гг.) и делается вывод, что инвестирование в оборудование имеет существенное влияние на экономический рост, а именно, что увеличение инвестиций в оборудование приводит к ускорению экономического роста, причем если учитывать экстерналии, то отдача будет еще выше (то есть социальная отдача от инвестиций). Однако в эмпирической работе [34] на кросс-секционной модели и на модели с фиксированными эффектами используется причинность по Грейнджеру (1965-1985 гг.), авторы приходят к выводу, что нет доказательств того, что накопление капитала или инвестиции в оборудование способствует экономическому росту, а, наоборот, экономический рост способствует накоплению капитала. Ноннеман и Ванхудт [35] используют кросс-секционную модель для стран OECD (1960-1985 гг.) и находят, что физический капитал незначим вообще (хотя авторы этот результат никак не обговаривают).

Развитие инфраструктуры снижает транспортные издержки, издержки, связанные с переговорами, и т.д. Чем больше население, тем больше выгод приносит развитие инфраструктуры, отмечается в работах [18,22]. Заглер и Дюрнекер [22] используют модель эндогенного роста со множеством конечных и промежуточных товаров и с количеством занятых в НИОКР и делают вывод, что расходы на инфраструктуру могут быть непроизводительными, так как необходимость в инфраструктуре зависит от многих факторов. То есть расходы на инфраструктуру без необходимости могут быть непроизводительными. Аджемоглу и соавторы [17] находят, проанализировав биноминальную модель для данных США (1836-1900 гг.), положительную взаимосвязь между экономическим ростом и инновациями и делают вывод, что для развития инноваций государству необходимо развивать инфраструктуру, связанную с инновациями (в данной работе анализировалось количество офисов для выдачи патентов). Пономарев [36] анализирует отчетность 230 000 компаний в России и уровень развития инфраструктуры (2011-2017 гг.) и заключает что инфраструктура положительно влияет на общую производительность. Мачерет [37] делает вывод о том, что инфраструктура является одним из ключевых факторов экономического развития.

Расходы на НИОКР стимулируют экономический рост через увеличение человеческого и физического капитала как отмечается в теоретических работах по моделям эндогенного роста [22,38]. Однако Моралес [38] приходит к выводу, что не все расходы в НИОКР стимулируют долгосрочный экономический рост, так как если государство развивает сектор НИОКР, который может развиваться при помощи частных инвестиций, то такие

госрасходы не стимулируют экономический рост. Джонс [39] использует модель полуэндогенного роста, в ней инвестиции в НИОКР влияют только на переходное состояние из одного равновесия в другое, но не влияют на экономический рост в долгосрочной перспективе, так как НИОКР может влиять только на эффективность труда, то есть в итоге экономический рост зависит от количества рабочей силы в экономике. В теоретической работе с дуополией [40] автор приходит к выводу, что оптимальное количество субсидий для НИОКР отрицательно зависит от размера налога на прибыль и положительно от сложности уклонения от уплаты налога на прибыль.

Ничкамп и Пут [18], используя мета-анализ, приходят к выводу, что расходы на оборону большая часть литературы считает непроизводительными расходами. Однако, как пишут авторы в работах [18, 41], наращивание военной мощи несет в себе выгоды в виде того, что конфликт не произошел благодаря тому, что противоположная сторона имеет недостаточную военную мощь, чтобы разжигать конфликт, то есть выгоды от мира. К тому же часть расходов на оборону может идти на развитие технологий.

2.3. Налоги

Как отмечают Ничкамп и Пут [18], все виды налогов отрицательно влияют на экономический рост. Тем не менее, налоги рассматриваются, как издержки общества, которые должны быть меньше выгод общества от госрасходов. В то же время, налоги на экстерналии (налоги на загрязнение окружающей среды, вырубки лесов и т.д.) могут иметь положительный эффект для общества [22].

Во многих теоретических исследованиях налог на прибыль исключен из анализа, так как очень часто одним из ключевых предположений моделей является совершенная конкуренция, то есть прибыль равна нулю на всех промежутках времени и налог на прибыль никак не влияет на экономический рост. Тем не менее, в работах, посвященных влиянию различных типов налогов на экономический рост, налог на прибыль считается наиболее искажающим и наиболее губительным для роста экономики. В эмпирической работе [42] налог на прибыль оказывает негативное воздействие на экономический рост через снижение привлекательности инвестиций. Налог на прибыль снижает чистую прибыль предприятий, тем самым снижает доходность от инвестиций в эти предприятия, что снижает стимулы к инвестициям, отмечают Йоханссон и соавторы [42]. Снижение прибыли снижает оценку стоимости предприятия, что ухудшает условия кредитования, то есть приводит к большим затратам на обслуживание новых кредитов и, соответственно, дополнительному снижению прибыли. И в дополнение, снижение доходности от инвестиций снижает располагаемый доход домохозяйств, что дополнительно может снижать долю сбережений [22]. Из возможных положительных эффектов налога на прибыль Тростел [43] отмечает, что вместе с тем повышается привлекательность человеческого капитала относительно физического капитала, и, соответственно, повышаются стимулы инвестирования в человеческий капитал.

Йоханссон и соавторы [42] анализируют страны OECD на панельных данных (1975-2006 гг.). Также в этой работе авторы анализируют остальные страны, используя описательную статистику, и проводят обширный анализ литературы по влиянию налогов на экономический рост. Поэтому обсудим заключения по налогу на прибыль в этой работе отдельно. Авторы приходят к выводу, что стабильная и предсказуемая налоговая система может привлечь больше инвестиций. К тому же стабильность и эффективность налоговой системы привлекают транснациональные корпорации, что положительно

сказывается на росте. Наличие единой налоговой ставки на прибыль для всех корпораций повышает качество инвестиций, так как исчезают искажения в выборе активов. Также в работе авторы заключают, что низкие налоги на прибыль только для молодых и маленьких фирм могут не иметь значительного эффекта на рост, так как такие фирмы часто имеют отрицательную или слишком маленькую прибыль, а высокие налоги на прибыль, наоборот, негативно сказываются на фирмах, которые уже имеют доход и пытаются расширяться, так как чем больше налог на прибыль, тем медленнее расширение и, соответственно, медленнее темпы роста. Ко всему прочему, низкие налоги могут стимулировать иностранные инвестиции.

Энген и Скиннер [44] отмечают, что налоги на прибыль оказывают негативное воздействие, так как снижается ожидаемая прибыль, что снижает венчурные инвестиции в сектора с высокими рисками, но с высокой потенциальной отдачей. К тому же любые налоги могут искажать инвестиции, так как они будут направлены из сектора с высокими налогами в сектор с низкими налогами, по тому же принципу рабочая сила может быть направлена из одного сектора в другой.

В книге по влиянию госдолга на экономический рост Грейнер и Финке [45, с. 166] пишут, что прогрессивный налог снижает темпы экономического роста через сокращение инвестиций и через снижение производительных расходов относительно выпуска, так как прогрессивный налог снижает доходы богатых домохозяйств, что снижает их инвестиции и доходы до налогообложения. Алесина и Родрик [46] анализируют модель эндогенного роста, в которой агенты разделяют доходы от труда и доходы от капитала, и приходят к выводу, что трансферты в пользу работников, которые предлагают свой труд неэластично, ведет к снижению роста. Снижение предельного НДФЛ ведет к увеличению продуктивности через предпринимательство, так как при одинаковых рисках предприниматели получают большую прибыль, что увеличивает продуктивность [42]. Снижение предельного НДФЛ стимулирует получать образование, ведь более образованное население получает большую зарплату, а если доходы после получения образования растут незначительно, то и стимулов получать образование меньше, что снижает человеческий капитал и сокращает темпы роста [47]. Заглер и Дюрнекер [22] предполагают, что основное негативное воздействие НДФЛ оказывает через снижение покупательной способности населения, тем самым большая доля дохода тратится на потребление и, соответственно, меньшая на инвестиции. Также в работе [22] предполагают, что рост НДФЛ ведет к снижению относительной стоимости отдыха, что снижает предложение труда. Правда Заглер и Дурнекер [22] не добавляют, что снижение доходов от снижения количества дополнительных часов работы в итоге снижает располагаемый доход и, соответственно, сбережения, что дополнительно негативно сказывается на экономическом росте).

Стиглиц [48] отмечает, что повышение прогрессивности налоговой системы ведет к сокращению неравенства. Сокращение неравенства увеличивает экономический рост в долгосрочной и краткосрочной перспективах, что отмечается в теоретических работах [49, 50]. В работе [48] предлагается бороться с неравенством путем роста налогов на сдачу земли и недвижимости в аренду, тем самым стимулируя инвестиции в более производительные сектора экономики. При этом Йоханссон и соавторы [42] приходят к выводу, что наименее искажающим налогом является налог на недвижимое имущество. Бориссов и Хашимзаде [50], используя теоретический анализ, приходят к выводу, что нет компромисса между неравенством и экономическим ростом в том смысле, что при

помощи налоговых реформ возможно сначала снизить неравенство, а затем экономика может сдвинуться в точку нового равновесного пути с отсутствием неравенства, на котором экономический рост выше, чем при любом виде неравенства. Рост НДС увеличивает неравенство, так как население с малыми доходами тратит на потребление гораздо большую долю своего дохода, чем население с высокими доходами. Для нивелирования неравенства, вызванного НДС, Гале^[51] предлагает введение прогрессивного НДС. (Таким образом, одним из возможных каналов влияния НДС на экономический рост в долгосрочной перспективе может быть неравенство.)

2.4. Госдолг

Барро^[5] в эмпирико-теоретической работе устанавливает, что расходы, приводящие к дефициту бюджета, отрицательно сказываются на росте, поскольку повышают процентные ставки и сокращают частные инвестиции. Напротив, расходы, для которых требуется повышение налогов на непроизводительную деятельность, такую как потребление или отдых, могут оказать положительное влияние на экономический рост^[5].

В теоретической работе^[12] авторы на основе модели Солоу устанавливают, что уровень государственного долга может повлиять на темпы роста через влияние на неравенство. Йакита^[9] в модели эндогенного роста с модификацией OLG находит, что сбалансированный долгосрочный рост возможен, если госдолг никогда не превышает критического значения, а критические значения для уровня госдолга зависят от количества капитала в экономике. Телес и Муссолини^[10] устанавливают в модели OLG и панельных данных для 74 стран (1997-2004 гг.), что в среднем граница госдолга, превышение которой снижает темпы роста экономики, около 22% от ВВП.

Рост госдолга из-за роста производительных госрасходов может вести к росту выпуска, но до определенного уровня, так как рост госдолга ведет к росту равновесной процентной ставки и, соответственно, к росту процентных платежей, как отмечается в работах^[10,52]. В теоретической работе^[11] в модели OLG авторы заключают, что в оптимуме государство должно обязывать пенсионные фонды приобретать госдолг с доходностью ниже рыночной, если этот госдолг идет на производительные расходы. Уровень отношения госдолга к выпуску имеет смысл повышать только ради производительных расходов^[10,53].

Грейнер и Финке^[45, с. 175] делают вывод в одной из моделей эндогенного роста, что если госинвестиции финансируются при помощи госдолга, то переходные темпы роста вырастут, а долгосрочные темпы роста уменьшатся, так как происходит рост отношения госдолга к ВВП в долгосрочной перспективе. Однако если темпы роста госдолга ниже темпов роста ВВП, то переходные темпы роста вырастут, а долгосрочные темпы роста не уменьшатся^[45, с. 175].

Несмотря на то, что обычно расширительная ФП ассоциируется с более высокими темпами роста, а сдерживающая ФП наоборот, фискальную консолидацию проводят с целью стимулирования экономического роста через улучшение стабильности, но фискальная консолидация в стабильных странах положительного эффекта не приносит^[54]. Однако в теоретической работе^[55] в модели OLG заключается, что консолидация в любой стране способствует темпам экономического роста. Грейнер и Финке^[45, с. 192] отмечают, что госдолг может оказывать влияние на экономический рост, если дефицит

финансируется через искажающие налоги, в итоге это приведет к снижению темпов роста.

Консолидация через сокращение трансфертов и зарплат более благоприятна для экономического роста, чем консолидация через повышение налогов, делают вывод авторы в эмпирических работах [16,54]. Если дефицит в основном финансируется через внутренние ресурсы (приватизация и сенъораж), то это оказывает инфляционное давление, а высокие уровни инфляции негативно сказываются на стабильности, то есть в итоге негативно сказываются на экономическом росте, предполагается в работе [54], в которой авторы анализируют панельные данные по бедным странам (1990-2000 гг.). В теоретических работах [56–58] в модели эндогенного роста включены деньги, которые могут влиять на темпы экономического роста через предпочтения агентов между потреблением и досугом, и рост темпов инфляции ведет к снижению занятости (так как агенты начинают предпочитать бесплатный досуг, что снижает стимулы к работе) и, следовательно, к снижению темпов экономического роста. Нестабильность государственных доходов и высокие уровни госдолга могут отталкивать потенциальных инвесторов и предпринимателей (в связи с возможным дефолтом и последующим за ним кризисом), что негативно сказывается на темпах экономического роста [54].

Гиаваци и Пагано [59] предполагают, что значимую роль для темпов роста экономики играют ожидания (рикардианская эквивалентность в действии). Когда государство проводит фискальную консолидацию, то экономические агенты видят, что сейчас госдолг снижается, и в будущем не придется за него расплачиваться, что стимулирует потребление и, соответственно, снижает норму сбережения. В итоге это негативно сказывается на темпах экономического роста.

2.5. Размер государства

Черчилль и соавторы [60] анализируют 87 статей, используя мета-анализ, по влиянию размера государства на экономику (доля расходов государства в выпуске, доля налогов в выпуске или доля государственных предприятий в экономике) и приходят к заключению, что размер государства скорее негативно влияет на экономику. Авторы этой работы используют также рабочие документы, а не только опубликованные статьи, чтобы избежать искажения выборки. В эмпирической работе [23] авторы также отмечают в основном отрицательное влияние размера государства. Кудрин и Гурвич [61] предполагают, что чем выше доля государства в экономике, тем больше экономических агентов руководствуются нерыночными стимулами, что ведет к искажениям и, соответственно, к снижению экономического роста.

Так как в работе [60] представлен обширный обзор влияния государства на экономический рост, то обсудим эту работу отдельно. Предполагаются возможные негативные эффекты большого государства (большая доля государства в экономике): вытеснение частных инвестиций; крупные расходы требуют крупных налогов, а налоги оказывают негативное влияние на рост; большое государство может быть источником неэффективности из-за рентоориентированного поведения и коррупции. Также предполагаются и возможные позитивные эффекты: предоставление общественных благ; минимизация экстерналий; обеспечение закона; развитие человеческого капитала через здоровье и образование; построение и поддержание надежной инфраструктуры; с кейнсианской точки зрения государство увеличивает спрос, что в итоге положительно влияет на предложение. Значимый отрицательный эффект присутствует только в

развитых странах, а для всех остальных стран большое государство не оказывает негативного воздействия на экономический рост, но и позитивного воздействия тоже не оказывает. Барро [51] также приходит к выводу, что негативное влияние государственных расходов на экономический рост более выражено в странах с более высоким уровнем экономического развития и что политика, направленная на сокращение государственных расходов, может оказать положительное влияние на долгосрочный рост. Однако Черчилль и соавторы [60] допускают, что возможный негативный эффект от размера государства связан с тем, что государство растет быстрее роста выпуска, а найденное в работах снижение темпов роста вызвано ростами доходов населения.

3. Краткосрочное влияние ФП

В работе [62] анализируется краткосрочное и долгосрочное влияние фискальной политики в одной модели, объединив неоклассический подход с моделью эндогенного роста. ФП влияет на экономику в краткосрочной и долгосрочной перспективах, однако основное влияние приходится на краткосрочную [62]. Государство вмешивается в экономику с целью снижения волатильности экономических циклов. ФП является одним из основных инструментов государства для достижения этой цели, и ФП эффективна, если она контрциклична, однако не все страны имеют возможность проводить контрциклическую ФП.

3.1. Цикличность ФП

ФП эффективна, если она контрциклична, тем самым поддерживая финансовую стабильность и стабильные темпы экономического роста, однако некоторые развивающиеся страны, наоборот, проводят проциклическую ФП.

Талви и Вейх [63] проводят анализ 56 стран на предмет цикличности ФП и теоретический анализ цикличности ФП в модели с идеальным предвидением. Авторы предполагают, что проведение проциклической ФП в основном связано с плохо развитыми политическими институтами и с сильными колебаниями государственных доходов. Дело в том, что в периоды экономического роста наблюдается рост доходов и рост доходов государства, что приводит к неэффективной растрате бюджета из-за коррупции в государствах со слабыми политическими институтами, а иногда даже такие расходы отрицательно сказываются на экономическом росте. В итоге в периоды экономического роста государство проводит стимулирующую ФП через снижение налогов и роста расходов (рост расходов связан с политическим давлением), тогда как в периоды экономического спада налоговые ставки повышаются, чтобы удержать доходы государства на том же уровне, или же расходы снижаются, чтобы уложиться в рамки уменьшенного бюджета. К сожалению, в работе никак не отражена возможная неэффективность сбора налогов в развивающихся странах, то есть в периоды кризиса также может расти доля теневой экономики, что дополнительно может снижать налоговые доходы. В работе авторы приходят к выводу, что невозможность проводить стимулирующую ФП в периоды спада также связана с тем, что страна может иметь ограниченный доступ к долговому рынку. Повышение государственных расходов, как правило, ведет к росту инфляции. Инфляция снижает покупательную способность населения, тем самым в развивающихся странах покупательная способность падает из-за роста инфляции в кризисные периоды и растет в периоды роста, что тоже является своеобразной проциклической компонентой. И именно с такой компонентой должно бороться правительство средствами контрциклической ФП.

Алдама и Крил [64] анализируют цикличность ФП стран OECD (1996-2017 гг.) с

использованием панельных данных и находят, что во многих странах ОЭСД дискреционная часть ФП является процикличной из-за политического давления, контрцикличной компонентой в таких странах в основном являются автоматические стабилизаторы (пособия по безработице, пенсии и т.д.). В эмпирической работе [65] авторы находят, что для нефтедобывающих стран (1970-2007 гг.) характерна процикличная ФП.

В период COVID-19 многие государства использовали беспрецедентные меры по поддержке населения и бизнеса. Хейл и соавторы [66] анализируют меры ФП в десяти крупнейших странах в период COVID-19 (с февраля 2020 года по сентябрь 2021 года) с использованием динамической панели и делают вывод, что самыми проинфляционными мерами являются те, которые предоставляют средства потребителям. Наименее проинфляционными являются меры, которые облегчают долговое бремя фирмам, то есть вместо раздачи денег фирмам лучше, если инфляция нежелательна, облегчить долговое бремя, а еще лучше сделать это только для фирм [66]. Однако для фирм в кризисные периоды наиболее подходящим инструментом может являться повышенная амортизационная премия, так как в неблагоприятные периоды прибыль снижается и может становиться отрицательной (то есть снижение налога на прибыль никак не влияет), тогда как выросшая амортизационная премия снижает налогооблагаемую базу в будущие периоды и формирует более позитивные ожидания относительно будущих прибылей [67]. Фискальные стимулы положительно влияют еще и на потребительские ожидания и настроения, которые также являются проинфляционными факторами [66]. Если государство стремится стабилизировать как основные макроэкономические показатели, так и государственные финансы, государству следует выбрать неограниченную ФП в сочетании с двумандатной монетарной политикой, которая опирается на показатели безработицы и инфляции [68].

3.2. Ограничения ФП

Проведение необдуманной расширительной ФП может привести к дестабилизации бюджета, поэтому некоторые страны устанавливают фискальные правила. Тем не менее, в периоды кризиса многие страны имеют доступ к долговому рынку в каком-то виде, что позволяет наращивать расходы в период кризиса без повышения налогов, что приводит к росту госдолга. В связи со снижением эффективности МП, многие страны стали активно проводить стимулирующую ФП, особенно в кризисные периоды (беспрецедентные расходы в период COVID-19), и отношение госдолга к ВВП выросло. Налоги вносят искажения в экономику, поэтому их увеличение нежелательно, к тому же повышение налогов – это сложный политический процесс. Таким образом, некоторым странам не остается ничего, кроме повышения уровня госдолга, чтобы возместить дефицит инвестиций в экономике в человеческий капитал и в высокие технологии, в противном случае экономика может стать неконкурентоспособной [69]. Однако ФП ограничена уровнем собираемых налогов и уровнем государственного долга. Сам по себе уровень госдолга не так важен, важны процентные платежи по нему [53]. Если процентные платежи по госдолгу достигают критических значений, то возникает риск того, что уровень собираемых налогов окажется недостаточным для того, чтобы покрыть расходы на обслуживание госдолга, что провоцирует нестабильность (особенно если вероятность дефолта критически возрастает).

Фурман [53] формулирует «новый взгляд» на ФП, основные утверждения которого состоят в следующем:

- стимулирующая ФП отлично дополняет контрциклическую МП путем увеличения инфляции и снижения реальных ставок процента;
- в периоды наличия проблемы эффективной нижней границы (ELB), то есть когда процентные ставки не могут опуститься ниже, не вызвав массовый отток средств из банков, госрасходы могут стимулировать инвестиции, так как они могут стимулировать рост экономики;
- госрасходы (особенно инвестиции) могут самоокупаться, так как они приводят к росту экономики, увеличению инфляции и снижению реальной ставки;
- расширительная ФП положительно сказывается на номинальном выпуске, то есть отношение госдолга к номинальному выпуску может не измениться или даже уменьшится, к тому же рост номинального выпуска ведет к росту собираемых налогов, что положительно сказывается на бюджетном балансе;
- к долговому кризису далеко не всегда приводит рост госдолга, в большинстве случаев долговому кризису предшествует пузырь или черный лебедь, которые являются причиной увеличения госдолга.

В обзорной работе [\[70\]](#) делается вывод о том, что Еврозона гораздо сильнее полагается на МП, игнорируя ФП во благо стабильности, и это способствует тому, что Еврозона гораздо чаще сталкивается с проблемой ELB, а темпы роста ниже, чем в США, где ФП используется гораздо активнее.

В теоретической Геммел и соавторы [\[62\]](#) оценивают влияние роста госрасходов и налогов одновременно (рост расходов на одну единицу вместе с ростом налогов на одну единицу), и заключают, что воздействие скорее нулевое, то есть эффекты аннулируют друг друга, как и в теоретической работе [\[71\]](#).

Фискальная консолидация в основном нацелена на поддержание стабильности путем увеличения налоговых доходов и снижения государственных расходов. Фискальную консолидацию проводят по плану, независимо от циклов, устанавливают Алдама и Крил [\[64\]](#). Если присутствует проблема ELB, а консолидация необходима, то может подойти повышение НДС. НДС является единственным «сдерживающим» инструментом ФП, который положительно воздействует на цены. НДС постепенно увеличивает свою долю в доходах государства во многих странах, тогда как для некоторых бедных стран НДС является основным источником доходов государства, так как заменяет пошлины при соглашениях о свободной торговле, согласно эмпирическим работам [\[25,72,73\]](#). Ввозимые товары гораздо проще облагать налогом, чем товары местного производства, в итоге в странах, где государство неспособно собирать налоги в полной мере, ввозимые товары облагаются НДС, а товары местного производства далеко не всегда облагаются НДС, что ведет к снижению конкурентоспособности ввозимых товаров [\[63,72,73\]](#). Алавутунки и соавторы [\[73\]](#) делают вывод, что открытость оказывает негативное влияние на доходы государства при введении НДС, что расходится с результатами Кина и Локвуда [\[72\]](#). В работе [\[73\]](#) заключают, что, скорее всего, различия с работой [\[72\]](#) связаны с тем, что НДС не полностью компенсирует потерю государственных доходов от снятия торговых пошлин.

НДС также, как и НДФЛ, снижает покупательную способность населения, тем самым большая часть дохода тратится на потребление и меньшая на инвестиции, однако НДС, в

отличие от НДФЛ, делает потребление менее привлекательным по сравнению с инвестициями, что может оказывать положительное воздействие на норму сбережения. В то же время предприятиям необходимо закупаться по более высокой цене, это верно как для капитала, так и для сырья. Предприятия, на чей товар спрос наиболее эластичен, скорее всего потеряют в прибыли, так как они не смогут переложить все расходы, связанные с НДС, на потребителей. Однако результаты эмпирического исследования на странах Еврозоны для 70 групп товаров (1999-2013 гг.) [74] говорят, что перенос изменения НДС на цены в основном происходит один к одному, то есть спрос на товары в основном неэластичен. Но все же, цены гораздо быстрее реагируют на повышение НДС, чем на снижение, в большинстве стран и для большинства товаров и услуг [75]. Причем снижение цен может происходить в течение нескольких лет, а повышение в течение нескольких недель, согласно Бензарти и соавторам [75], которые анализируют эксперимент по НДС в Финляндии (2005-2015 гг.), а также 427 фирм в Европе (1996-2015 гг.). То есть необходимо принимать во внимание возможную асимметрию откликов от снижения и повышения НДС.

3.3. Оценка влияния ФП

Проблема оценки ФП – возможная обратная взаимосвязь ФП и экономического роста [54]. Когда рост замедляется, отношение госрасходов к ВВП растет при неизменных госрасходах. Бланшард и Перотти [76] представили способ оценки влияния ФП на экономику в краткосрочной перспективе. При оценке влияния ФП на экономику в краткосрочной перспективе используются мультипликаторы, причем в основном анализ связан с расходами, так как, как правило, расходы растут во время кризисов. Расходы анализируются по группам госрасходов, а с налогами гораздо сложнее сделать такой анализ, так как налоги гораздо реже изменяются. По налогам есть два подхода: изменение предельной налоговой ставки или изменение налоговых сборов. В то же время чаще анализируют оценку влияния ФП в моделях динамического стохастического общего равновесия (DSGE). Полбин и Андреев [77] в обзорной работе по оценкам влияния ФП в DSGE моделях показывают, что в моделях DSGE подтверждаются основные выводы из других моделей.

Ауэрбах и Городниченко [78], впервые делают попытку оценки мультипликаторов в кризисные и в нормальные периоды в единой SVAR модели для данных США (1947-2008 гг.), они следуют подходу из работы [76]. Основной вывод в работе [78] состоит в том, что в кризисные периоды расходы на оборону имеют наибольшую отдачу. Однако Рами [79] подвергает критике подход [76] из-за его неустойчивости к изменениям выпуска в кризисные периоды, из-за чего мультипликаторы оказывались больше, чем на самом деле. Рами [79] оценивает мультипликаторы на одних и тех же данных тремя разными способами (способ [76], способ [80] и способ [81]) и получает три значительно разных результата, при этом метод из работы [76] показывает невероятно высокие мультипликаторы, тогда как остальные методы показывают мультипликаторы ниже единицы. В работе [78] мультипликаторы также значительно больше единицы, что не сходится с выводами из DSGE моделей, в которых мультипликатор едва ли может превысить единицу при условии, что существует проблема ELB и кризис [77]. В стандартных моделях RBC (на которых основываются стандартные DSGE модели) предполагается, что от роста госрасходов снижается потребление, в то время как VAR модели показывают обратное, согласно эмпирическому анализу в модели VAR на данных

США (1954-1999 гг.) в работе [\[182\]](#). Хейл и соавторы [\[166\]](#) также находят, что потребление положительно реагирует на рост госрасходов. В кризисные периоды потребление крайне значимо для экономики, то есть чем выше потребление, тем легче проходит кризис. Таким образом, выводы из DSGE моделей о низких мультипликаторах могут быть связаны с предположением о реакции потребления на рост госрасходов.

Проблема в том, что в научном сообществе нет четкого понимания того, что именно является шоками ФП, какие каналы трансмиссионного механизма задействованы и являются основными и, наконец, самая главная проблема – нет общепринятых способов по измерению мультипликаторов ФП, поэтому к выводам работ по мультипликаторам нужно подходить осторожно [\[179\]](#). Тем не менее, неверная оценка размеров мультипликаторов не означает, что нужно перестать оценивать мультипликаторы традиционными методами. Главное, чтобы оцененные в одной работе мультипликаторы групп госрасходов возможно сравнить между собой и выявить наилучший и наихудший. Однако точные размеры мультипликаторов, несомненно, способствуют проведению более оптимальной ФП.

4. Заключение

В данной работе проведен анализ литературы, посвященной влиянию ФП на экономический рост в краткосрочной и долгосрочной перспективах.

ФП действительно может влиять на долгосрочные темпы экономического роста и преобладающее большинство работ это подтверждают. В основном теоретический анализ влияния ФП на экономический рост проводится с использованием моделей эндогенного роста, однако также применяются модифицированные модели Солоу и OLG. Основные же модели для эмпирического анализа эффективности фискальной политики включают: модель с фиксированными эффектами на панельных данных, динамическая панель и кросс-секционная модель (в более старых работах).

Основным рычагом влияния ФП на долгосрочный экономический рост является влияние на развитие человеческого капитала. Инвестиции государства в образование и здоровье являются самым сильным инструментом ФП для положительного воздействия на экономический рост. Также государство может инвестировать в НИОКР, оборудование, инфраструктуру, социальную защиту и оборону, но положительный эффект от таких мер возникает не всегда.

Налоги влияют на экономический рост через влияние на стимулы экономических агентов по использованию доступных им ресурсов. Самым губительным налогом для экономического роста является налог на прибыль, а налог на недвижимое имущество является наименее искажающим. Прогрессивная налоговая система, с одной стороны, снижает неравенство, и ряд авторов утверждает, что снижение неравенства ведет к увеличению темпов роста. С другой стороны, во многих работах утверждается именно отрицательное влияние прогрессивной налоговой системы на экономический рост, так что по этому вопросу в литературе нет консенсуса.

Уровень госдолга негативно сказывается на экономическом росте из-за процентных платежей, относящихся к непроизводительным расходам. Однако некоторые работы все же отмечают отрицательное влияние именно уровня госдолга на экономический рост. Размер государства оказывает скорее отрицательное воздействие на экономический рост, причем особенно значимый отрицательный эффект наблюдается для стран с высокими уровнями доходов.

ФП оказывает значимое влияние на экономику в краткосрочной перспективе. В развитых странах ФП скорее контрциклична, однако дискреционная ФП может быть процикличной из-за политического давления. В бедных же странах ФП скорее проциклична из-за ограниченного доступа к долговому рынку.

Наращивание госдолга для покрытия непроизводительных расходов нежелательно, однако увеличение госдолга ради производительных целей может самоокупаться. Проведение бюджетной консолидации может положительно сказаться на экономической стабильности. Наименее негативная для экономики консолидация – это консолидация через снижение расходов. Если же необходимо проводить консолидацию через налоги, то наиболее подходящим может быть налог НДС, однако необходимо учитывать возможную асимметрию изменения ставки НДС.

Оценка влияния ФП в краткосрочной перспективе может быть сильно переоценена, поскольку стандартный подход [76], используемый во многих работах, может сильно переоценивать мультипликаторы. Таким образом, к выводам работ по оценке мультипликаторов необходимо подходить с осторожностью.

Крайне мало литературы посвящено влиянию НДС на экономический рост в долгосрочной перспективе. Немногим больше посвящено работ влиянию НДС на экономику в принципе. Государства, возможно, могут гораздо активнее изменять НДС для проведения более уверенной контрциклической ФП. Однако даже при наличии проблемы эффективной нижней границы НДС остался без должного внимания в литературе.

Крайне мало работ дают эмпирическую оценку влияния фискальной политики на экономический рост в кратко- и долгосрочной перспективах. Между тем, выводы, полученные для развитых стран, могут быть совершенно другими, чем для развивающихся стран.

Библиография

1. Solow R.M. A contribution to the theory of economic growth // Q. J. Econ. 1956. Vol. 70, № 1. P. 65–94.
2. Diamond P.A. National debt in a neoclassical growth model // Am. Econ. Rev. 1965. Vol. 55, № 5. P. 1126–1150.
3. Romer P.M. Increasing returns and long-run growth // J. Polit. Econ. 1986. Vol. 94, № 5. P. 1002–1037.
4. Lucas Jr R.E. On the mechanics of economic development // J. Monet. Econ. 1988. Vol. 22, № 1. P. 3–42.
5. Barro R.J. Government spending in a simple model of endogenous growth // J. Polit. Econ. 1990. Vol. 98, № 5, Part 2. P. S103–25.
6. Aghion P., Howitt P. A model of growth through creative destruction // Econometrica. 1992. Vol. 60. P. 323–351.
7. Gradstein M., Justman M. Education, social cohesion, and economic growth // Am. Econ. Rev. 2002. Vol. 92, № 4. P. 1192–1204.
8. Castro R., Clementi G.L., MacDonald G. Investor protection, optimal incentives, and economic growth // Q. J. Econ. 2004. Vol. 119, № 3. P. 1131–1175.
9. Yakita A. Sustainability of public debt, public capital formation, and endogenous growth in an overlapping generations setting // J. Public Econ. 2008. Vol. 92, № 3–4. P. 897–914.

10. Teles V.K., Mussolini C.C. Public debt and the limits of fiscal policy to increase economic growth // Eur. Econ. Rev. 2014. Vol. 66. P. 1–5.
11. Норкина О.А., Пекарский С.Э. Нерыночное размещение долга как финансовая репрессия // Журнал Новой экономической ассоциации. 2015. № 28. Р. 31–55.
12. Borissov K., Kalk A. Public debt, positional concerns, and wealth inequality // J. Econ. Behav. Organ. Elsevier, 2020. Vol. 170. P. 96–111.
13. Barro R.J. Economic growth in a cross section of countries // Q. J. Econ. 1991. Vol. 106, № 2. P. 407–443.
14. Mankiw N.G., Romer D., Weil D.N. A contribution to the empirics of economic growth // Q. J. Econ. 1992. Vol. 107, № 2. P. 407–437.
15. Weil D.N. Accounting for the effect of health on economic growth // Q. J. Econ. 2007. Vol. 122, № 3. P. 1265–1306.
16. Alesina A., Favero C., Giavazzi F. The output effect of fiscal consolidation plans // J. Int. Econ. 2015. Vol. 96. P. S19–42.
17. Acemoglu D., Moscona J., Robinson J.A. State capacity and American technology: evidence from the nineteenth century // Am. Econ. Rev. 2016. Vol. 106, № 5. P. 61–67.
18. Nijkamp P., Poot J. Meta-analysis of the effect of fiscal policies on long-run growth // Eur. J. Polit. Econ. 2004. Vol. 20, № 1. P. 91–124.
19. Uzawa H. Optimum technical change in an aggregative model of economic growth // Int. Econ. Rev. (Philadelphia). 1965. Vol. 6, № 1. P. 18–31.
20. Rebelo S. Long-run policy analysis and long-run growth // J. Polit. Econ. 1991. Vol. 99, № 3. P. 500–521.
21. Krebs T. Human capital risk and economic growth // Q. J. Econ. 2003. Vol. 118, № 2. P. 709–744.
22. Zagler M., Dürnecker G. Fiscal policy and economic growth // J. Econ. Surv. Wiley Online Library, 2003. Vol. 17, № 3. P. 397–418.
23. Sala-i-Martin X., Doppelhofer G., Miller R.I. Determinants of long-term growth: A Bayesian averaging of classical estimates (BACE) approach // Am. Econ. Rev. 2004. Vol. 94, № 4. P. 813–835.
24. Benos N. Fiscal policy and economic growth: empirical evidence from EU countries // Univ. Libr. Munich, Ger. 2009.
25. Easterly W., Rebelo S. Fiscal policy and economic growth // J. Monet. Econ. North-Holland, 1993. Vol. 32, № 3. P. 417–458.
26. Hartwig J. Is health capital formation good for long-term economic growth?—Panel Granger-causality evidence for OECD countries // J. Macroecon. 2010. Vol. 32, № 1. P. 314–325.
27. Iqbal N., Daly V. Rent seeking opportunities and economic growth in transitional economies // Econ. Model. 2014. Vol. 37. P. 16–22.
28. Карцева М.А., Кузнецова П.О. Было бы здоровье, а остальное приложится? Эмпирическая оценка отдачи от здоровья в России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. Р. 55.
29. Estrada G.B., Lee S.H., Park D. Fiscal policy for inclusive growth: An overview // Asian Dev. Bank Econ. Work. Pap. Ser. 2014. № 423.
30. Cooley T.F., Greenwood J., Yorukoglu M. The replacement problem // J. Monet. Econ. 1997. Vol. 40, № 3. P. 457–499.
31. Greenwood J., Hercowitz Z., Krusell P. Long-run implications of investment-specific technological change // Am. Econ. Rev. 1997. P. 342–362.

32. Saint-Paul G. Fiscal Policy in an Endogenous Growth Mode // *Q. J. Econ.* 1992. Vol. 107, № 4. P. 1243–1259.
33. De Long J.B., Summers L.H. Equipment investment and economic growth // *Q. J. Econ.* 1991. Vol. 106, № 2. P. 445–502.
34. Blomström M., Lipsey R.E., Zejan M. Is fixed investment the key to economic growth? // *Q. J. Econ.* 1996. Vol. 111, № 1. P. 269–276.
35. Nonneman W., Vanhoudt P. A further augmentation of the Solow model and the empirics of economic growth for OECD countries // *Q. J. Econ.* 1996. Vol. 111, № 3. P. 943–953.
36. Пономарев Ю.Ю. Влияние транспортной инфраструктуры на совокупную факторную производительность фирм: оценка для городов России // Экономическая политика. 2022. Vol. 17, № 1. P. 102–125.
37. Мачерет Д.А. Транспортный фактор формирования эпохи современного экономического роста // Экономическая политика. 2019. Vol. 14, № 1. P. 154–179.
38. Morales M.F. Research policy and endogenous growth // *Spanish Econ. Rev.* 2004. Vol. 6. P. 179–209.
39. Jones C.I. R & D-based models of economic growth // *J. Polit. Econ.* 1995. Vol. 103, № 4. P. 759–784.
40. Богоординская Н.В. Уклонение от уплаты налогов и субсидирование R&D в смешанной отрасли // Журнал Новой экономической ассоциации. 2021. № 3. P. 30–49.
41. Alptekin A., Levine P. Military expenditure and economic growth: A meta-analysis // *Eur. J. Polit. Econ.* 2012. Vol. 28, № 4. P. 636–650.
42. Johansson Å. et al. *Taxation and Economic Growth*. OECD Publishing, 2008.
43. Trostel P.A. The effect of taxation on human capital // *J. Polit. Econ.* 1993. Vol. 101, № 2. P. 327–350.
44. Engen E., Skinner J. Taxation and economic growth // *Natl. Tax J.* 1996. Vol. 49, № 4. P. 617–642.
45. Greiner A., Fincke B. *Public debt, sustainability and economic growth*. Springer International Publishing, 2016.
46. Alesina A., Rodrik D. Distributive politics and economic growth // *Q. J. Econ.* 1994. Vol. 109, № 2. P. 465–490.
47. Gemmell N. Fiscal policy in a growth framework // *WIDER Discuss. Pap.* 2001.
48. Stiglitz J.E. How to restore equitable and sustainable economic growth in the United States // *Am. Econ. Rev.* 2016. Vol. 106, № 5. P. 43–47.
49. Ostry J.D., Berg A.M., Tsangarides C. *Redistribution, inequality, and growth*. International Monetary Fund, 2014.
50. Borissov K., Hashimzade N. Fiscal policy and inequality in a model with endogenous positional concerns // *J. Math. Econ.* 2022. Vol. 103. P. 102765.
51. Gale W.G. Raising revenue with a progressive value-added tax // *Tackling Tax Code Effic. Equitable Ways to Raise Revenue*. 2020.
52. Reinhart C.M., Reinhart V., Rogoff K. Dealing with debt // *J. Int. Econ.* 2015. Vol. 96. P. S43–55.
53. Furman J. The new view of fiscal policy and its application // *VoxEU.org*. 2016. Vol. 2.
54. Gupta S. et al. Fiscal policy, expenditure composition, and growth in low-income countries // *J. Int. Money Financ.* Elsevier, 2005. Vol. 24, № 3. P. 441–463.

55. Зубарев А.В., Нестерова К.В. Фискальная консолидация в условиях пандемии // Вопросы экономики. 2022. № 7. Р. 5–26.
56. Gomme P. Money and growth revisited: Measuring the costs of inflation in an endogenous growth model // J. Monet. Econ. 1993. Vol. 32, № 1. Р. 51–77.
57. Jones L.E., Manuelli R.E. Growth and the effects of inflation // J. Econ. Dyn. Control. 1995. Vol. 19, № 8. Р. 1405–1428.
58. Wu Y., Zhang J. Endogenous growth and the welfare costs of inflation: A reconsideration // J. Econ. Dyn. Control. 1998. Vol. 22, № 3. Р. 465–482.
59. Giavazzi F., Pagano M. Can severe fiscal contractions be expansionary? Tales of two small European countries // NBER Macroecon. Annu. 1990. Vol. 5. Р. 75–111.
60. Churchill S., Ugur M., Yew S.L. Does Government Size Affect Per Capita Income Growth? A Hierarchical Meta Regression Analysis // Econ. Rec. 2017. Vol. 93, № 300. Р. 142–171.
61. Кудрин А.Л., Гурвич Е.Т. Государственное стимулирование или экономические стимулы? // Журнал Новой экономической ассоциации. 2015. № 2. Р. 179–186.
62. Gemmell N., Kneller R., Sanz I. The timing and persistence of fiscal policy impacts on growth: Evidence from OECD countries // Econ. J. 2011. Vol. 121, № 550. Р. F33–58.
63. Talvi E., Vegh C.A. Tax base variability and procyclical fiscal policy in developing countries // J. Dev. Econ. 2005. Vol. 78, № 1. Р. 156–190.
64. Aldama P., Creel J. Real-time fiscal policy responses in the OECD from 1997 to 2018: Procyclical but sustainable? // Eur. J. Polit. Econ. 2022. Vol. 73. Р. 102135.
65. Гурвич Е., Вакуленко Е., Кривенко П. Циклические свойства бюджетной политики в нефтедобывающих странах // Вопросы экономики. 2009. № 2. Р. 51–70.
66. Hale G., Leer J.C., Nechoio F. Inflationary effects of fiscal support to households and firms. National Bureau of Economic Research, 2023.
67. Попова Е.М., Гусейнова Г.М. Налоговые инструменты сглаживания негативных последствий пандемии COVID-19: зарубежный опыт // Налоги и налогообложение. 2022. № 4. Р. 42–56.
68. Dosi G. et al. Fiscal and monetary policies in complex evolving economies // J. Econ. Dyn. Control. 2015. Vol. 52. Р. 166–189.
69. Rahman N.H., Ismail S., Ridzuan A.R. How does public debt affect economic growth? A systematic review // Cogent Bus. Manag. 2019. Vol. 6, № 1. Р. 1701339.
70. Pekanov A. The New View on fiscal policy and its implications for the European Monetary Union. 2018.
71. Turnovsky S.J. The transitional dynamics of fiscal policy: long-run capital accumulation and growth // J. Money, Credit Bank. 2004. Vol. 36. Р. 883–910.
72. Keen M., Lockwood B. The value added tax: Its causes and consequences // J. Dev. Econ. 2010. Vol. 92, № 2. Р. 138–151.
73. Alavuotunki K., Haapanen M., Pirttilä J. The effects of the value-added tax on revenue and inequality // J. Dev. Stud. Taylor & Francis, 2019. Vol. 55, № 4. Р. 490–508.
74. Benedek D. et al. Varieties of VAT pass through // Int. Tax Public Financ. 2020. Vol. 27. Р. 890–930.
75. Benzarti Y. et al. What goes up may not come down: asymmetric incidence of value-added taxes // J. Polit. Econ. The University of Chicago Press Chicago, IL, 2020. Vol. 128, № 12. Р. 4438–4474.
76. Blanchard O., Perotti R. An empirical characterization of the dynamic effects of changes in government spending and taxes on output // Q. J. Econ. 2002. Vol. 117. Р.

- 1329–68.
77. Андреев М.Ю., Полбин А.В. Влияние фискальной политики на макроэкономические показатели в DSGE-моделях // Финансовый журнал. 2018. № 3 (43). Р. 21–33.
 78. Auerbach A.J., Gorodnichenko Y. Measuring the output responses to fiscal policy // Am. Econ. J. Econ. Policy. 2012. Vol. 4, № 2. P. 1–27.
 79. Ramey V.A. Ten years after the financial crisis: What have we learned from the renaissance in fiscal research? // J. Econ. Perspect. 2019. Vol. 33, № 2. P. 89–114.
 80. Mountford A., Uhlig H. What are the effects of fiscal policy shocks? // J. Appl. Econom. 2009. Vol. 24, № 6. P. 960–992.
 81. Gordon R.J., Krenn R. The end of the great depression 1939–41: Policy contributions and fiscal multipliers // Natl. Bur. Econ. Res. 2010.
 82. Galí J., López-Salido J.D., Vallés J. Understanding the effects of government spending on consumption // J. Eur. Econ. Assoc. 2007. Vol. 5, № 1. P. 227–270.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рецензирование научная статья на тему: «Фискальная политика и экономический рост в краткосрочной и долгосрочной перспективах: обзор литературы» посвящена исследованию актуальной проблемы для современной российской экономической науки.

Статья носит исследовательский характер. Она представляет собой достаточно объёмное, глубокое исследование, в котором были использованы значительный по количеству библиографический список - источники и научная литература отечественных и зарубежных исследователей.

Следует положительно оценить обоснование авторами статьи актуальности проведенного исследования, проявляющегося, в частности, в том, что основное количество современной научной литературы посвящено фискальной политике в экономически развитых странах, рекомендации для которых могут не подходить развивающимся странам, так как это может привести к использованию неоптимальной фискальной политики.

В исследовании поставлена его цель, определены задачи и представлен дизайн исследования. Отметим, что в статье не выделен специальным образом методологический раздел. Однако, анализ статьи делает очевидным использование анализа как основного общетеоретического метода исследования и экономического анализа в качестве специализированного метода исследования.

Статья структурирована, что значительно облегчает заинтересованному читателю восприятие достаточно сложного теоретического материала. В целом, статья логична и написана хорошим языком. По нашему мнению, рецензируемая статья способна вызвать интерес не только у профессиональной читательской аудитории, но и у широкого круга читателей.

Исследованы научные позиции по актуальным проблемам фискальной политики, нашедшим свое отражение в работах отечественных и зарубежных авторов, а именно: долгосрочное и краткосрочное влияние фискальной политики, безусловно и условно производительные расходы, неоднозначная роль и место налогов в экономическом росте, государственный долг, влияние размера государства на экономику, цикличность фискальной политики, включая в себя ограничения и оценку влияния фискальной

политики.

В исследовании сделаны необходимые выводы. В частности, авторами подчёркивается, что основным рычагом влияния фискальной политики на долгосрочный экономический рост становится человеческий капитал. Следовательно, самым мощным инструментом фискальной политики государства представляется инвестиции государства в образование и здоровье.

Проведенное исследование представляет собой исследование теоретического характера. Сделан также вывод о недостаточности научных работ, например, о роли НДС в экономике и его влиянии на экономический рост. Проведенное авторами исследование определенно является комплексным исследованием и способно внести вклад в развитие теории экономической науки.

Таким образом, исходя из вышеперечисленного, считаем, что представленная на рецензирование научная статья на тему: «Фискальная политика и экономический рост в краткосрочной и долгосрочной перспективах: обзор литературы» соответствует необходимым требованиям к такому виду работ и ее можно рекомендовать к опубликованию в искомом научном журнале.